

№ 9 (179)
сентябрь

2011

Не в силе Бог, а в правде.

АЛЕКСАНДРО-НЕВСКИЙ ВЪСТНИКЪ

Газета Александрo-Невского собора города Барнаула. Печатается по благословению
Преоcвященнейшего Максима, епископа Барнаульскаго и Алтайскаго

Н. Богданов-Бельский

В церкви

Свт. Иоанн Златоуст

Считай себя царем, имеющим подчиненный тебе город — душу ребенка, ибо душа, действительно, город. И подобно тому, как в городе одни воруют, а другие ведут себя честно, одни трудятся, а другие занимаются тем, что попадает под руку, так же ведут себя в душе рассудок и помыслы: одни сражаются против преступников, как в городе воины, другие заботятся обо всем, что относится к телу и к дому, как граждане в городах, третьи же отдают приказанья, как городские власти.

Научи его быть приветливым и человеколюбивым. Пусть рот у него будет зашит для всякого злословия. Если увидишь, что он бранит кого-либо, заставь его замолчать и переведи речь на его собственные проступки.

Развращение детей происходит не от чего другого, как от безумной привязанности (родителей) к житейскому.

Обращая внимание только на это

СВЯТЫЕ ОТЦЫ О ВОСПИТАНИИ ДЕТЕЙ

одно и ничего не желая считать выше этого, они нерадят о детях с их душою. О таких родителях я сказал бы, что они хуже даже детоубийц: те отделяют тело от души, а эти то и другое вместе ввергают в огонь гееннский.

Нет нам извинения, когда дети у нас развратны.

Возраст (детский) нежный, он скоро усвоит себе то, что ему говорят, и, как печать на воске, в душе детей отпечатлевается то, что они слышат. А между тем и жизнь их тогда уже начинает склоняться или к пороку, или к добродетели. Поэтому, если в самом начале отклонить их от порока и направить на лучший путь, то на будущее время это уже обратится им в навык и как бы в природу, и они уже не так удобно по своей воле будут уклоняться к худшему, потому что навык будет привлекать их к добрым делам.

Старайся, чтобы научить (сына) презирать славу настоящей жизни; от этого он будет славнее и знаменитее.

Если вы воспитаете своих сыновей, то они в свою очередь воспитают своих, а эти опять научат своих; продолжаясь таким образом до пришествия Христова, дело это доставит всю награду тому, кто послужил корнем.

Преп. Исидор Пелусиот

Посевающие в своих детях еще в младенчестве справедливое понятие о Божием величии и промысле, а потом и о добродетели не только как родители, но и как превосходные наставники, сподобятся Божиим наградам, а насаждающие в них понятие о многобожии и о пороке, как принесшие чад своих в жертву демонам, примут достойное воздаяние.

Святитель Тихон Задонский

Учителям учеников обучать не только грамоте, но и честной жизни, страху Божьему, потому грамота без страха Божьего — не что иное, как меч у безумного. Некоторые родители так нежно и слабо детей своих воспитывают и содержат, что не хотят их за преступления наказывать и так безстрашно и своевольно

им попускают жить; другие безмерную строгость употребляют и более гнев и ярость свою над ними совершают, нежели наказывают их. Оба — и те, и другие — погрешают. Везде ибо излишество порочно; строгость и милость безрассудная во всяком чине порицается. Сия в расслабление, своевольство, развращение и явную погибель приводит юных, от природы ко злу всякому склонных; другая огорчение, раздражение и уныние в них соделывает. Везде ибо умеренность и средний путь похвывается. Сего ради родителям благочестивым среднего пути держаться должно.

Преп. Серафим Саровский

Старец не позволял детям говорить против родителей, даже имевших несомненные недостатки. Один человек пришел к старцу с матерью, которая была предана пороку пьянства. Сын только хотел заговорить об этом, как о. Серафим зажал ему рукой рот и не дал произнести ему слова. Потом он, обращаясь к матери, сказал: «Отверзи уста свои» — и, когда она открыла рот, трижды дунул на нее. Отпуская ее, о. Серафим сказал: «Вот вам мое завещание: не имейте в доме своем не только вина, но даже и посуды винной, так как ты отседе не потерпишь более вина».

Свт. Филарет, митр. Московский

Что нынешнее воспитание располагает к своеволию, это правда. Я нередко дивлюсь, с какой важностью и самостоятельностью ведут себя малолетние дети при родителях, и сии как будто не смеют прикоснуться к ним.

Свт. Игнатий (Брянчанинов)

Дочку не позволяй себе хлопать, ниже пальчиком. Это чрезвычайно вредно для нравственности как дочери, так и матери. Есть старинное хорошее, а есть и старинное худое; худому не надо подражать. Выпиши себе книгу «Поучения преподобного аввы Дорофея», который занимался воспитанием молодых иноков с отличным успехом. Эта книга

будет превосходным наставлением для тебя самой и для воспитания дочери. Читай книгу и изучай ее. Знай, что паче всех твоих наставлений словами жизнь твоя будет самым сильным наставлением для дочери.

Свт. Феофан Затворник Вышенский

Молодежь жить на земле и по-земному хочет. Ведь и нельзя без этого, потому что мы земны. Только не надо забывать, что на земле мы на время, и короткое, — стало, хоть и земны, но не для земли получили бытие.

Детей отчуждение — дивно. Но посмотрите, не вы ли виноваты в том. Если вы то за чтением, то за рукоделием, а детьми мало занимаетесь, так что они не видят от вас ласки... то что дивного, что они отчуждаются от вас?..

Св. прав. Иоанн Кронштадтский
Родители и воспитатели! Остерегайте детей своих со всею заботливостью от капризов пред вами, иначе дети скоро забудут цену вашей любви, заралят свое сердце злобою, рано потеряют святую, искреннюю, горячую любовь сердца, а по достижении совершенного возраста горько будут жаловаться на то, что в юности слишком много лелеяли их, потворствовали капризам их сердца. Каприз — зародыш сердечной порчи, ржа сердца, моль любви, семя злобы, мерзость Господу.

При образовании чрезвычайно вредно развивать только рассудок и ум, оставляя без внимания сердце, — на сердце больше всего нужно обращать внимание; сердце — жизнь, но жизнь, испорченная грехом; нужно очистить этот источник жизни, нужно зажечь в нем чистый пламень жизни, так, чтобы он горел и не угасал и давал направление всем мыслям, желаниям и стремлениям человека, всей его жизни. Общество растленно именно от недостатка воспитания христианского.

Преп. Макарий Оптинский

Трудный вопрос о детях: когда бывают в кругу родных и сверстников, допускать ли их к картам и к танцам? Как это решить — не знаю. Что вошло в обычай светских обращений, трудно противостать, соображаясь с миром. Просто надобно быть исповедником, перенося укоризны, насмешки и презрение. Но и допустить с юных лет

до карт — это может со временем обратиться в привычку и даже в страсть; также и танцы, которые назвал один мудрый проповедник «иродиадино искусство» и которые мир считает невинным удовольствием в обществе, а в сущности оные греховны.

Сколько можно, надобно внушать детям, что для них вредно и то и другое; но они, смотря на других детей, упражняющихся в сих забавах, или будут им завидовать, или осуждать, а себя считать лучшими их. И тут подбавляет иметь мудрость, но не со своим разумом, а молить Господа, да умудрит вас, как поступать в воспитании детей, и да сохранит их от тлетворного духа вредных обычаев мирских.

Преп. Амвросий Оптинский

Настоящее время, кажется, более, чем когда-нибудь, желающие благочестно жить окружены всякими неудобствами и затруднениями. Особенно становится трудно вести дело воспитания детей в духе христианском и в правилах святой Православной Церкви.

Посреди всех этих трудностей остается нам одно: прибегать к Господу Богу, усердно просить от Него помощи и вразумления и затем со своей стороны делать все, что можем, по крайнему нашему разумению; остальное же все предоставить на волю Божию и на Его промысл, не смущаясь, если другие не так поступают, как бы нам желалось.

Преосв. Амвросий, архиеп. Харьковский

Стойте сами, как сказано у пророка, пред лицом Божиим, будьте устами Божиими — тогда чрез ваше посредство Сам Бог будет воспитателем детей, вам порученных...

При обсуждении детских проступков не ограничивайте ваши замечания словами: «Как это стыдно или неприлично», а говорите чаще: «Как это грешно и страшно». Сколько сами понимаете силу греха, сколько сами боитесь его — пусть это будет написано на лице вашем. Ваша скорбь о проступке дитяти отразится в его сердце; ваше внушение, что вы отвечаете за его проступок перед Богом, заставит и его бояться той же ответственности. Тогда и ваше взыскание он примет как Божие наказание.

Научайте детей не словам только молитвы, а знакомьте их с состоянием и опытом молитвы. Не делайте молитву

слишком краткою, не бойтесь за усталость детей, введите их в труд молитвы, объясняя им науку собирания мыслей и бодренного предстояния ума перед Богом. Молитесь сами при них с горячностью и усердием: теплота вашего сердца сообщится и их сердцам, они узнают утешения, находимые в молитве, и она будет для них отрадою и прибежищем во всех испытаниях и скорбях жизни.

Раскройте им науку испытания помыслов и внутренней борьбы с мыслями и склонностями греховными. Расскажите им по мере их возраста историю зарождения греха в едва сознаваемой мысли, его возрастание в волнении чувств и влечениях сердца, его бурные движения в порывах страстей, его крайние обнаружения в делах преступных — и тогда будет для них нечистая мысль так же страшна, как преступное дело.

Укажите им нашу немощь в борьбе с грехом, постоянную потребность в помощи Божией и непобедимую силу имени Иисусова. Дайте им опыты внутренней победы над злом силою призывания имени Господня, и тогда они будут отпущены в мир, исполненный нравственных опасностей, с оружием в руках.

Не может остаться бесплодною для детей вера родителей, когда они при нужде и бедности со слезами на глазах говорят: «Что делать? Буди воля Божия»; при опасности: «Бог милостив»; при трудных обстоятельствах: «Бог поможет»; при успехе и радости: «Слава Богу, Бог послал». Здесь всегда и во всем исповедуется Божия благость, Божие промышление, Божие правосудие. Не есть ли это живое учение о Боге и Его свойствах? И так как для детей нет ничего выше и дороже родителей, а родители с любовию и благоговением исповедуют, что они сами все имеют от Бога и во всем надеются на Бога, что Он есть общий и всеблагий Благодетель всех: то не ощутят ли дети и не поймут ли, что «все Богом живут и движутся и существуют», и затем не полюбят ли Бога?

Зачем, говорят, дитя рано будить и заставлять без пользы стоять целые часы в церкви? Это напрасное истязание. Нет, это нужно затем, чтобы постепенно приучить его к бодрствованию, вниманию, собранности мыслей, терпению в подвиге, без чего не совершается ни одно доброе дело.

Одно из самых модных словосочетаний сегодня — это уверенность в себе. Отовсюду нас убеждают, что без нее невозможно прожить в современном мире. Особенно сложно приходится верующим детям, подросткам, которые учатся в светских школах. Отношения между одноклассниками обостряются, выделяется группа крутых лидеров, которые начинают насмехаться над верующим, он становится «белой вороной». Как еще не установившейся личности найти себя, вера — это слабость или сила — об этом рассказывает отец АЛЕКСИЙ УМИНСКИЙ, настоятель храма Живоначальной Троицы в Хохлах, духовник Свято-Владимировского учебного центра.

ВЕРУЮЩИЙ РЕБЕНОК В СВЕТСКОЙ ШКОЛЕ

— Что такое уверенность в себе с православной точки зрения?

— Я думаю, быть уверенным в себе — это хорошее чувство. Вопрос только в том, на чем оно основано. Часто уверенность в себе воспринимается так: быть независимым от чужого мнения, внешних обстоятельств, — для подростков это выражается словом «крутой», — сильно оградиться от окружающего мира. И собственно чувство неуверенности часто остается, но маскируется под внешней грубостью, эпатажной одеждой, не совсем адекватными выходками. Бывает, что детская неуверенность не уходит и, когда человек становится взрослым, он скрывает ее под тщеславием и желанием возвысить свой собственный статус за счет других, придумывает себе всевозможные маски, роли, в которые может проиграть всю свою жизнь, до самой смерти, но ни в коем случае не признаваться себе в том, кто он на самом деле.

— А на чем основана христианская уверенность в себе?

— На смирении. Она начинается с того, что человек совершает некий подвиг, мужественный поступок: он не боится признаться самому себе и Богу на исповеди, кто он есть на самом деле. И в тот момент, когда человек становится способным осознать себя в своей недостаточности, греховности — к нему приходит чувство, что раз он такой, бояться больше нечего, хуже быть не может (улыбается).

И в этот момент начинается его движение к Богу. Человек получает уверенность, что и в таком состоянии Бог его не оставит. Он больше не боится жить, он знает, что Бог пришел спасать не праведников, но грешников. И это дает ему возможность любить людей, быть способным простить, потерпеть, безбоязненно переносить испытания, обиды. Когда человек знает свои недостатки, ему не так важно, что их замечают и другие. Еще он становится способным на очень важную вещь — не завидовать другим людям, имеющим достоинства, которых у него самого нет, не стараться оскорбить их, подтопить и тем самым возвысить себя — а уметь восхищаться чужой красотой, умом, добродетелью.

— Это очень трудный путь, когда ты пытаешься быть, а не казаться.

— Да, а проверить себя можно так: если ты стараешься выглядеть умным, то можешь себе сразу признаться — ты не умный. По-настоящему умный человек никогда не будет строить из себя умного. По-настоящему красивый

человек не будет выпячиваться перед другими, что он красив. Если человек сильный, ему необязательно всем это показывать, достаточно того, что это в нем есть.

— Что тогда такое комплексы? Это отрицательная вещь?

— Я считаю, что комплексом как раз и является это желание казаться. Это безо всякого сомнения отрицательная вещь, показывающая в человеке его уязвленное самолюбие, нежелание смириться с тем, что ему послал Господь. Эти комплексы вызывают в человеке и озлобление, и зависть, и депрессивное состояние. Это, конечно, психологическая проблема, которая может решаться и родителями, и педагогами, и духовником.

— Что вы можете посоветовать подростку, терпящему за свою веру насмешки, издевательства в школе?

— Если человек естественным образом выбирает для себя тот или иной путь, то он должен быть готов пройти по этому пути до конца. И нет ничего удивительного в том, что он не встречает на этом пути взаимопонимания, ведь у каждого свои интересы. Это вопрос проверки своего характера, насколько человек силен, способен выдержать унижение. Либо человек идет на поводу у мнения толпы, либо для него собственная позиция является ценностью, и он готов ее отстаивать.

Такая ситуация может случиться не только с подростком в школе, но и со взрослым, уже зрелым человеком в любом коллективе, когда он не принимает тех законов, по которым живет это общество. Тогда он должен быть готов за себя духовно постоять и в этом смысле немного потерпеть.

Вообще, верующие подростки, которые учатся в светских школах — это во многом мученики. Настоящие современные мученики, потому что они сознательно живут по-христиански в среде, которая так агрессивна к вере, как никогда.

Были времена, когда верующие дети страдали от того, что их силой принимали в пионеры, комсомольцы, многие шли против своей совести, потому что были поставлены в такие условия. Учителя давили на родителей, детям запрещалось носить в школе крестик, были даже издевательства. Но тем не менее не было такого страшного состояния агрессии, которое сейчас испытывают дети в школах не просто со стороны антирелигиозного давления, а со стороны давления греха, самих искаженных отношений между людьми.

— Они чувствуют себя тем самым «слабым звеном».

— Совершенно верно. Поэтому христианина, оказавшегося в современной школе, можно уподобить мученику и исповеднику. Он, несмотря ни на что живет и поступает по-христиански, не идет на поводу у компаний, не стесняется выражать своего отношения к греховным явлениям, а с другой стороны учится не озлобляться, а молиться за своих товарищей и врагов. Я думаю, из современного исповедничества Христа это наиболее сложный, тяжелый путь. Если раньше взрослые были носителями креста, то теперь он лег на плечи наших детей.

— Вы считаете, что учеба в православной школе может быть выходом?

— Существование православных гимназий, которые дают детям возможность избежать многих проблемных ситуаций на почве веры, чаще говорит не в пользу этих гимназий. Так как дети часто оказываются тепло-хладными и равнодушными к вере, к Церкви. Они не способны ни исповедовать, ни защитить свою веру. Они растут, можно сказать, в тепличных условиях, среди единомышленников. Но потом они заканчивают гимназию и начинают стесняться своей веры, скрывать ее. И постепенно уходят в окружающий мир, совершенно в нем растворяясь. Это проблема православных гимназий и этих тепличных условий. Поэтому подвиг несения креста у верующих детей в светских школах, даже если им иногда приходится идти на поводу у компаний, не быть такими «чистенькими и гладенькими», как дети православных гимназий, я думаю, покрывает очень многие их личные и поведенческие недостатки.

— Смолчать и стерпеть — это сила или слабость?

— Это может быть и тем, и другим в состоянии разных людей. Не отвечать на удар и подставлять другую щеку — за этим может скрываться и трусость, и мужество. Здесь то же самое. Поэтому детей, находящихся в таких условиях, мы, родители, должны приучать прежде всего не бояться. Если ребенок немного трусит, скрывает свою веру, если ему легче не ответить ударом на удар — его лучше научить проявлять мужество, не пасовать, не быть униженным. Ведь когда человека унижают, в нем оскорбляют образ Божий, его христианское достоинство. И если он умеет себя защитить — это очень хорошо. Потому что бывает так, что ребенок молчит по трусости, ненавидит своих обидчиков, а оправдывает себя тем, что поступает по смирению. Но когда человек достаточно духовно зрел, имеет в себе мужество не ответить на удар, а пытается действовать по Евангелию, способен молиться за тех, кто его обижает, это высокий христианский подвиг. Об этом ребенке можно говорить с восхищением. Это часто недоступно взрослым верующим с большим опытом веры.

— И бывает, что в такое сложное время подростки предают друзья, переходя на сторону обидчиков. Как найти в себе силы простить?

— Тут трудно давать советы, всякий совет в этом случае будет неправомерным и надуманным. От предательства не застрахован никто. Есть такие вещи, которые необходимо просто пережить, испытать, перестрадать. И когда в жизни человека случаются беды, предательства, он должен быть к этому готов. Наша жизнь — не медовый пирог, полный только хороших сюрпризов. Здесь скорее требуется не совет, а утешение, поддержка со стороны оставшихся друзей, родителей, духовника, хотя и это не всегда по-

может человеку. А тем более говорить: «Помолитесь за них» — в такие моменты далеко не всегда человеку дается искренняя молитва. Какие-то вещи лечит только время, они надолго остаются раной в сердце. Но это потом дает человеку возможность тоньше чувствовать людей, иметь снисхождение к их слабостям, серьезнее относиться к выбору собственных друзей. И понимать, что дружба — это не когда тебе приятно находиться рядом с человеком, а когда вы останетесь вместе и в самые тяжелые моменты.

И надо очень хорошо проанализировать себя: всегда ли ты так дружишь, как хочешь, чтоб дружили с тобой? А всегда ли ты можешь пойти с другом до конца в тяжелых обстоятельствах и поддержать его, поделиться с ним своим сердцем? Или ты просто ждешь, чтобы это все давали тебе, ничего не давая взамен, а когда случается беда, огорчаешься: «Как же так? Ведь ты был моим лучшим другом?». Если ты на самом деле отдавал ему самое лучшее, это не может остаться без плода. Может быть, этот человек еще вернется.

Знаете, обиды посылаются человеку для того, чтобы он научился их прощать. Для начала хотя бы на самом маленьком уровне. Да, это ужасно тяжело, но другого пути в жизни христианина нет. И мне кажется, несмотря ни на что, христианин должен оставаться открытым, «любовь всему верит, все покрывает». Поэтому христиане — это те, которые больше всех остальных терпят боль, они более доверчивы, они иначе смотрят на мир. Для них человек — это тот, которого можно пустить в свое сердце. И это чувство не должно ослабеть в нас.

— Как можно вообще найти подход к этим людям, своим врагам? Притворяться такими же крутыми, как они, не хочется, а идти к ним с открытым сердцем — весьма сомнительная идея.

— Не знаю, нужно ли ставить эти эксперименты и пытаться узнать, каковы эти люди под маской. Если человек естественным образом встречается в твоей жизни, и вас что-то сближает, ты чувствуешь с ним родство душ — это одно. А когда ты пытаешься из интереса войти на его территорию и говорить на его языке, то либо ты получишь от него по самому большому месту, так как будешь слишком открыт, либо начнешь ему подражать, подпевать. Есть люди, которые способны раскрыться тебе навстречу и понять тебя, а есть неспособные к этому. Конечно, надо быть открытым для всех людей, но специально вести себя так: «Вот я сейчас открою тебе свой мир, чтобы ты открыл себя в ответ» — это достаточно опасная наивность. Даже если вы находитесь в одном коллективе, можно сохранять определенную дистанцию.

— Какая самая распространенная проблема, с которой к вам обращаются подростки?

— Проблема непонимания в семье. Подростки жалуются на то, что родители перестали их понимать, не слышат их собственной детской боли, относятся к ним формально и слишком командуют. Ребенок в этом возрасте часто ищет в родителе не просто родителя, но еще и друга, собеседника. И когда он этого не находит, это становится его внутренней проблемой. В этом случае священник, если он хорошо знает эту семью, может попробовать разобраться с ребенком проблемную ситуацию, поменяв его ролями с родителями. Иногда это срабатывает. А чаще нужно просто утешить ребенка, дать ему то, что недодали родители, ответить на те вопросы, на которые они не отвечают, а какой-то мере стать ему родителем. Тогда ребенок уходит успокоенным, и не осуждает родителей.

Беседа вела Елена Меркулова
Православие и мир

ПРАВОСЛАВНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

На сей раз «информационном поводом» для написания статьи стал рассказ молодого журналиста. По заданию редакции он был на выпускном вечере в одной московской школе. — Причем не в каком-нибудь новомодном частном лицее, — подчеркнул журналист, делаясь с нами впечатлениями, а в хорошей школе с крепкими старыми традициями и опытными, заслуженными учителями.

Сначала, по его словам, все было очень трогательно и совсем по старинке. Выпускники один за другим выходили на сцену и прочувствованно, чуть ли не со слезами на глазах, благодарили наставников. Потом был капустник, и те же самые ребята, которые только что обращались к учителям со словами благодарности, теперь изобретательно и остроумно их высмеивали, очень талантливо копировали, точно подмечая слабые стороны и недостатки педагогов. Хохот в зале не смолкал. Причем громче всех смеялись как раз объекты пародий.

— Это меня потрясло, — прокомментировал журналист. — Всего лишь десять лет назад, когда я оканчивал школу, такое было невозможно.

— Что именно?

— Да все!

— Как будто раньше подростки не высмеивали училок, — возразили мы.

— Да, но не со сцены и не в их присутствии! — сказал молодой человек. — Хотя меня даже больше шокировал ответный смех взрослых. В этом было что-то совсем патологическое.

В общем, тема специально для вас. Осмысливайте.

Почему так прощаются со своими учителями семнадцатилетние и это воспринимается как норма и вызывает дружеский ответный смех? Вероятно, потому что они уже не дети, а без пяти минут взрослые.

Но с другой стороны, разве ребята, став выпускниками, перешли в категорию учителей? Иными словами, они разве сравнялись со своими наставниками? — Отнюдь. Даже когда через тридцать-сорок лет люди приходят в школу на так называемый «вечер встречи», иерархия «учитель-ученик» сохраняется. Простая учительница физики называет всемирно знаменитого академика Игорьком, а он ее почтительно — Светланой Алексеевной. И скорее она может рассказать о нем на таком вечере что-нибудь смешное про его рассеянность и неаккуратность, а ему и в голову не придет напомнить ей, как ребята за глаза подшучивали над ее скособоличившимся пучком или подслеповатостью, которая позволяла свободно пользоваться шаргалками.

Ведь психически здоровый ребенок уже в пять лет

знает, что можно позволить себе со сверстником, а что — со взрослым, что — с близким родственником, а что — с чужим человеком.

У психически же нездоровых детей это чувство дистанции нарушено. Так что отмена иерархии «взрослый — ребенок», «учитель — ученик» утверждает патологические

модели поведения, ведет, если угодно, к шизофренизации общества. Пока это распространяется, в основном, на подростково-молодежную среду, но уже начинает спускаться и ниже, к малышам. Увы, не единичны случаи, когда ребенок от горшка два вершка, а уже мнит себя равным взрослым, критикует их со знанием дела, дразнит, высмеивает. Пятилетняя девочка, собираясь в гости к бабушке, говорит маме: «Надеюсь, она за неделю поумнела и не будет со мной спорить?» А другая девочка, чуть постарше возмущается «легкомыслием» матери: «Ты с ума сошла? Зачем нам третий ребенок? У нас с Ванькой и так одна комната на двоих!» И мать начинает испуганно оправдываться, чуть ли не

испрашивать у дочки разрешение на «ответственное родительство» (любимое клише «планирования семьи»).

НЕУМЕСТНОЕ ПАРТНЕРСТВО

Стиль отношений с детьми всегда задают взрослые. В семье — родители, в школе — учителя, т.е. хозяева того или иного микромира, в котором обитает ребенок.

Тогда возникает вопрос: почему взрослые сейчас так поощряют панибратство? Особенно это изумляет в среде учителей, которые, наоборот, всегда отличались консерватизмом и иногда держали даже чрезмерную дистанцию с учениками. Причин тут много. Явных и не очень. Большую роль сыграл на фоне бурно развивающейся демократии страх быть обвиненным в диктатуре. «А вдруг ребенок вырастет и будет нас ненавидеть? — думают взрослые. — Говорят же психотерапевты об огромном значении обид, нанесенных в детстве, о психотравмах, которые негативно влияют на всю оставшуюся жизнь...» И непременно вспоминают случаи из своего прошлого, как их самих обижали родители и педагоги. Ведь если задаться целью, настроиться на определенный лад, всегда можно много чего вспомнить. «Ну, уж нет! — думает бывший обиженный ребенок. — У меня с моими детьми все будет иначе. Мы с детьми будем друзьями».

А дружба предполагает равноправие. По крайней мере, в идеале. В ней нет начальника и подчиненного, управляющего и управляемого. Каким путем взрослый, который выше ребенка по интеллекту, физической силе, образованию, социальному и материальному положению и прочим параметрам, может сравняться со своим сыном или учеником?

С одной стороны, ему придется искусственно взрастить ребенка, посвящая его в те сферы жизни, которые в традиционной системе представлений не считаются детскими. Но нельзя же вырастить человека сразу на полметра или одномоментно увеличить размер его ноги с тридцать второго до сорок пятого. Поэтому гораздо проще, образно говоря, самому встать на четвереньки, прикинуться ему равным, партнером. Это приятно еще и потому, что дает иллюзию вечной молодости, которая сегодня в почете. А заодно и снимает со взрослого ответственность за воспитание. Друзей особенно не воспитывают, это даже считается бестактным.

Примеров детско-родительского «партнерства» — великое множество. В миллионах семей дети сейчас позволяют себе (точнее, им позволяют родители) то, что еще лет двадцать назад было неслыханным. Приведем всего два.

Пятилетний Степа занимается горнолыжным спортом или, как сейчас говорят, «экстремальными лыжами». Правда, забираться на гору ему пока тяжело, и когда подъемник не работает, что случается нередко — все-таки у нас тут еще не совсем Европа — Степу наверх затаскивает мама. И вот однажды Степа учинил ей форменный скандал. Причина была серьезная. После занятий тренер угостил маленького горнолыжника пряниками, сказав, что Степа их честно заработал. Один пряник мальчик тут же запихнул в рот, второй зажал в правой руке, а третий протянул маме. Голодная мама, решив, что сын с ней поделился, пряник съела. И уличена была не больше не меньше как в воровстве чужой собственности! Оказалось, что Степа дал ей пряник на сохранение.

— Я же его заработал! — в слезах возмущался мальчик.
— Какое ты имела право?

— А я что, не заработала? — оправдывалась мама, сторонница дружески-партнерских отношений с ребенком. — Кто тебя привез на машине? Кто деньги платит за секцию? А на гору тебя переть, думаешь, легко было? Да я вкалывала, как лошадь!

Наконец, после долгих подсчетов, какова доля маминого труда, «экстремал» смилился:

— Так и быть, половину пряника я тебе прощаю. А за вторую ты должна ответить. Извиняйся!

И мама, довольная тем, что дело не кончилось истерикой, охотно извинилась.

А вот другой пример из этой серии, тоже весьма характерный. Мама взяла работу на дом и трудилась над чертежом. Шестилетний Никита же требовал, чтобы она с ним поиграла. Мама, ссылаясь на важность и срочность работы, просила его поиграть самостоятельно или подождать. Никита настаивал и, наконец, разъярившись, вылил баночку с водой из-под краски на мамин чертеж. Тогда мама (как она сама потом объясняла, «чтобы он влез в мою шкуру») порвала Никитин рисунок, висевший на стене.

— Ах, так?!

Мальчик, не помня себя от ярости, побежал на кухню и грохнул об пол любимую мамину чашку.

Тут уж и мама, невзирая на потраченные два дня назад большие деньги, сломала дорогую Никитину игрушку — работа с дистанционным управлением.

Потом они дуэтом заревели. Потом мальчик подошел к маме и потребовал, чтобы она починила ему игрушку и нарисовала точной такой же рисунок.

— Хорошо, — ответила мама. — Только сперва ты можешь мне начертить новый чертеж, и мы склеим мою любимую чашку.

Остаток вечера прошел во взаимных репарациях, а на завтра история повторилась почти в точности, разве что с другими объектами порчи.

Ну, разве то, что мы описали, похоже на отношения взрослого и ребенка? Если кто-то скажет «да», то пусть ответит, чем они отличаются от отношений двух маленьких сверстников, которые поругались-помирились, потом опять поругались, снова помирились. Один разрушил продукт чужого труда, другой сделал то же самое. Фактически взрослый продублировал девиантное поведение ребенка. Не наказал его по-взрослому за испорченную работу, а просто отомстил, уничтожил то хорошее, что сделал ребенок в спокойную минуту, когда он как раз занимался чем-то самостоятельно, никому не мешая.

Но плохо даже не столько то, что мама не могла сдержаться. В конце концов, взрослые тоже живые люди, и у них не всегда крепкие нервы. А порой и нужно поступить с ребенком «зеркально», так как не почувствовав на себе то зло, которое он причиняет другому, он не может остановиться. Но ведь Никиту это не вразумило, а только подзадорило! Почему? Мы думаем, потому, что за свой вопиющий проступок мальчик фактически не был наказан. Ведь посмотрите, как идилически кончилась эта история. Сын даже не попросил прощения. Он требовал, чтобы мама восстановила его поврежденное имущество. А мама, чтобы не раздувать дальше скандал, склонилась к компромиссу. И где наказание? С Никитой даже во время не был прерван контакт. Мама не сказала ему: «Уходи, я не хочу с тобой разговаривать. Какая игрушка? Какой рисунок? Ты посмел испортить мою работу! До прихода папы я вообще не хочу тебя видеть. Папа придет, будем решать, как с тобой поступить». (Или, если папы в семье нет, наказать его самой лишением чего-то чрезвычайно для него драгоценного).

Но партнерские отношения отменяют воспитательный процесс, ибо он невозможен без нормальной иерархии. Впрочем, если иерархия в семье соблюдается, то интеллектуально здоровый ребенок в шесть лет уже и без поучений понимает, что мамин труд несопоставим с его почеркушкой, даже если это рисунок будущего гения. Когда мама находится на пьедестале своего материнского авторитета, то все, что ее окружает, все, что от нее исходит, неприкосновенно для порчи. Но какое благоговение можно испытывать к маме-партнеру?

Первый же случай (с пряником), казалось бы, разрешился достаточно мирно. Да и протекал без такого накала страстей, как второй. Но на нас он произвел еще более жуткое впечатление. Может быть, именно потому, что уже ничего нельзя списать на аффект взрослого. Ребенок проявляет какую-то запредельную жадность, да еще по отношению к собственной матери, а она, даже не фиксируясь на его пороке, начинает доказывать, что тоже заслужила свою долю. В результате детская жадность получает подкрепление, да еще усиливается маминым торгом. Так обездоленный раб выклянчивает у хозяина лишний кусочек. Тут уж даже не партнерские отношения. Скорее, уместно говорить об обратной зависимости — ребенок повелевает мать. Ничего не поделаешь, такова логика «свободного воспитания». Дети не понимают, что их родители воплощают на практике новомодную теорию. Они видят, что взрослый — слабак, и пользуются его слабостью.

В результате воспитание — как «свободное», так и «несвободное» — становится невозможным. Ведь воспитание — это когда один учит другого, как надо себя вести, а

другой слушается. И в каких бы формах воспитание ни происходило, в любом случае его обязательным условием является соблюдение иерархии. Нет иерархии — нет воспитания, и все идет вразнос. «В душевном плане пятая заповедь — «чти отца твоего и мать твою» — представляет собой учение об иерархии, — пишет в книге «Умение умирать или искусство жить» архимандрит Рафаил (Карелин). — Нужно подчинить себя вышестоящему звену в единой иерархической цепи... подчинить, чтобы иметь возможность воспринять. Здесь непокорность старшим — это выключение себя из структуры. Без соблюдения иерархии и субординации (подчинения низшего высшему) невозможно никакое общество и никакая система, начиная с семьи и кончая государством, даже более того, начиная с атома и кончая космосом».

ОТКУДА ВЗЯЛОСЬ ХАМСТВО

Сколько презрительно-саркастических кличек было придумано за последние полвека. «Предки», «кони», «родаки», «черепа»... Уже в самих этих глумливых прозвищах заложен вектор совершенно патологического отношения к отцу с матерью. Отношения, которое несовместимо с пятой заповедью. Папу с мамой, родителей можно почитать и слушаться, а вот «коней», «родаков» и уж тем более «черепов», мягко говоря, проблематично. Презрительная лексика неизбежно влечет за собой презрительное отношение.

«Имя вызывает образ, — пишет известный православный автор Н.Е. Пестов, — а образ в душе есть соприкосновение или даже единение души с этим образом. При этом первое или второе — т.е. соприкосновение или единение — будет зависеть от нашего отношения к этому образу. Если мы в любви тянемся к нему, то этот образ вливается в нашу душу, объединяется с нами и влияет на наши чувства и ощущения. Но если образ антипатичен, то мы только соприкасаемся с ним и в душе переживаем чувство неприязни или брезгливости. Мы стараемся тогда оттолкнуться в душе от этого образа, поскорее уйти и забыть его... Упоминание «черного» имени, ругательство и всякие постыдные слова — все это отвергает душу в скверну, роняет и объединяет ее с темной силой». («Душа человеческая», М., Православное братство святого апостола Иоанна Богослова, 2003, стр. 174.)

Согласитесь, только помраченное либерализмом сознание будет спорить с тем, что приведенные выше примеры молодежного жаргона, употребленные по отношению к родителям, которых Бог заповедал не просто уважать, а почитать, это откровенное хамство и ругательство. А значит, последняя строка цитаты (про объединение с темной силой) относится к использующим подобные «словечки» в полной мере.

Нелишне вспомнить, что имя нарицательное «хам» и его производные (хамство, хамить, охамел, хамло) пошло от имени собственного. Хамом звали одного из сыновей Ноя. Интересно, что о его существовании знают даже люди, очень далекие от религии. Пусть они представляют его мифическим персонажем, в данном случае это не столь существенно. Главное, что о нем знают все, т.е. память о грехе Хама оказалась неизгладимой. Не столь уж многие отрицательные фигуры так прочно вошли в общечеловеческую историю. А именами нарицательными стали и того меньше. Из упоминающихся в Священном

Писании их, кажется, всего трое: ирод, иуда и хам. (Есть еще «голиаф», но это имя нарицательное приложимо не к отдельным людям, а к некоей системе: так государство или бюрократический аппарат могут называть «голиафом», подчеркивая его всемогущество и неодолимость). Страшные грехи совершили Ирод с Иудой. Страшнее и быть не может. Один пытался убить народившегося Бога, другой предал Его на смерть. Какое же надо было совершить страшное преступление, чтобы оказаться в этом ряду?

Давайте посмотрим. История начинается с того, что Ной после садовых работ выпил вина, опьянел и «лежал обнаженным в шатре своем» (Быт. 9:21). «И увидел Хама, отец Хаанаана, наготу отца своего, и выйдя рассказал двум братьям своим» (Быт. 9:22). Вот, собственно, и все преступление Хама. Принято считать, что он посмеялся над наготой спящего отца, но, как видите, это прямо не сказано. Хотя, конечно, можно предположить, что рассказ Хама братьям вряд ли был очень лестным для Ноя. Скорее всего, он содержал какую-то критику, быть может, насмешку, но никаких подробностей нам не сообщается. Следовательно, они не имеют значения. Значим сам факт.

Братья Хама, напротив, являют нам образец правильного поведения. «Сим же и Иафет взяли одежду и, положив ее на плечи свои, пошли задом и покрыли наготу отца своего; лица их были обращены назад, и они не видели наготы отца своего» (Быт. 9:23). То есть, они не только не критиковали, но только не смеялись, но даже не дерзнули посмотреть на Ноя, который, опьянев, спал в ненадлежащем виде.

Большинству современных людей, в том числе юным исполнителям и старшим вдохновителям того школьного капустника, с которого мы начали свой рассказ, наверное, поведение братьев покажется странным, а наказание, постигшее Хама, несправедливым.

— Разве он не по делу критиковал отца? — возмутятся они. — За что его вообще наказывать? Мало того, что отец подавал сыну дурной пример, так еще и проклял его!

Но если бы проклятие Ноя было несправедливым, то он не назывался бы в Библии «праведным и непорочным в роде своем» (Быт. 6:9). А во-вторых, его проклятие не было бы утверждено Богом, не сбылось бы в стольких поколениях. Нимрод, внук Хама, царствовал в Вавилоне, и это, как пишет в книге «Библия и наука о сотворении мира» прот. Стефан (Ляшевский), «наложило отпечаток на всю идею государственности в виде того зла, которое всегда является неотъемлемой принадлежностью государства: насилие, тюрьма, казни и очень часто гнет».

Среди более отдаленных потомков Хама были жители Ниневии, так раздражившей Господа своими грехами, что он послал к ним пророка Иону с грозным предупреждением. Были филистимляне, из среды которых вышел, кстати, великан Голиаф, побежденный будущим царем Давидом и сделавшийся с тех пор олицетворением какого-то огромного и с виду неодолимого зла. Населяли хамиты и города Содом и Гоморру, тоже ставшие впоследствии именами нарицательными, обозначающими крайние степени порока. Так что отеческое проклятие Хама оказалось весьма долговечным. Что толку восставать против духовных законов? Ведь наша

антипатия их не отменит. Кому-то может показаться жестоким и несправедливым закон всемирного тяготения: дескать, он так мешает нашей самости, реализации нашей мечты летать. Но если такой бунтарь-свободомысл в знак протеста выпорхнет из окна, закон не отменится, а будет лишь трагически подтвержден.

СПАСИТЕ ВЗРОСЛЫХ!

Насколько же наши предки были духовно взрослее нас! Особенно в глубокой древности, когда люди были гораздо ближе к Богу, чем сейчас. Боговидцу Моисею Господь, наряду с заповедью о почитании родителей, повелел: «Кто ударит отца своего или свою мать, того должно предать смерти» (Исх. 21:15) и «Кто злословит отца своего и свою мать, того должно предать смерти» (Исх. 21:17). Вот как сурово! За другие, с нашей сегодняшней точки зрения, более тяжкие преступления, смертная казнь не полагалась, а за посягательство на авторитет родителей, за несоблюдение семейной иерархии — высшая мера, перешедшая в Новый Завет («Ибо Бог заповедал: почитай отца и мать; и: злословящий отца или мать смертью да умрет» Мф. 15:4).

Сейчас же сплошь и рядом видишь: маленький ребенок бьет родителей (в том числе по лицу!), а им и в голову не приходит наказать его хотя бы шлепком по попе. Как же! Это ведь жестокое обращение с ребенком! Пусть самовыражается, отважный малыш! А в некоторых журналах договариваются до того, что родители не должны даже мимикой показывать свое неодобрение — это, якобы, нарушает детское право на спонтанность реакций.

Злословие же родителей стало теперь настолько обыденным, что непонятно, кто остался бы в живых, если бы вдруг начали действовать былые законы...

Причем запрет злословить родителей — абсолютно безоговорочный. Что бы ни делали отец с матерью, как бы ни напивался и ни оголялся Ной, дети не смеют их осуждать и насмехаться. Известен такой случай. Однажды к преподобному Серафиму Саровскому пришел человек, который начал жаловаться на свою мать, страдавшую грехом винопития. Но преподобный Серафим закрыл ему рот своей рукой, считая недопустимым, чтобы сын критиковал мать, даже в тех случаях, когда критика вполне справедлива и обоснована.

Почтительным было и традиционное отношение к учителям. Первоначально эту функцию вообще выполняло священство. Так называли духовных наставников в самых разных культурах. «Учитель» — очень частое обращение апостолов ко Христу. В процессе секуляризации жизни наряду с религиозными учебными заведениями появились светские школы. Учительство выделилось в особую профессию, но благоговейное отношение к наставникам детей и юношества сохранялось на протяжении многих веков. И лишь по мере распространения либерализма, когда чувство собственного достоинства стали отождествлять с непослушанием и своеволием, авторитет учителя пошатнулся. Ну, а с конца

60-х гг. XX в. его и вовсе начали целенаправленно разрушать.

Важнейшей точкой отсчета явилась так называемая «парижская весна» 1968 г., ознаменовавшаяся массовыми студенческими беспорядками. Разбушевавшаяся молодежь протестовала против «буржуазного ханжества», требовала, чтобы на всех этажах студенческих общежитий стояли автоматы, выдающие презервативы, и возмущалась косностью преподавателей, которые дерзают поучать молодежь.

А сегодня в странах Запада авторитет учителей пал так низко, что не только в университетах, но и в школах педагоги все чаще и чаще оказываются в положении жертв: их регулярно бьют, грабят и убивают. Всего несколько фактов. 14 ноября 1995 г. семнадцатилетний Джеймс Роуз, ученик школы Ричленд в г. Линквиль (штат Теннеси) застрелил учительницу и одноклассницу. Еще одна учительница получила ранения.

24 марта 1998 г. в г. Джонсборо (штат Арканзас) два ученика местной школы открыли стрельбу. Одна учительница убита. Недавние исследования показывают, что 20% школ США сообщают о фактах насилия в своих стенах. Во многих американских школах администрация даже вынуждена держать полицейских для усмирения особо энергичных учеников. Учителя же ни себя, ни детей, подвергающихся нападению одноклассников, защитить не в состоянии. Слово учителя давно ничего не значит. Эффект может возыметь только грубая сила, которой учителя, по преимуществу женщины, не обладают. Впрочем, если бы и обладали, она бы им все равно не пригодилась, т.к. либеральные законы лишили педагогов права даже выгонять хулиганов из класса. Вот и приходится приглашать полицию, которой пока еще позволяют (если они, конечно, поспеют вовремя!) ограждать взрослых от насилия детей. И ведь хватает у кого-то наглости называть это осатанение демократическими нормами правами ребенка...

Ну, чем не прообраз ада, где царствуют злоба, жестокость и право силы? Тоже иерархия, только отнюдь не Божественная, а совсем наоборот. А начиналось-то все с любви, с желания дружеских отношений с ребенком. Но в угаре демократизации как-то не учли, что любовь ребенка к взрослому без уважения немислима. Без него — или презрение, или голый страх.

По-видимому, это интуитивно почувствовали выпускники школы, о которых нам рассказывал журналист Рома.

— Меня поразило, — сказал он, — как грамотно ребята срежиссировали прощальный вечер. Сначала объяснения в любви

учителям, а потом — капустник.

— Почему «грамотно»? — спросили мы.

Как почему? — удивился Рома. — Неужели не понимаете? После театральных сценок, в которых ребята пародировали учителей, — какие-то особенности их внешности, речи, походки, — объясняться им в любви было бы неуместным, фальшивым до неприличия. Да нет! — просто невозможным.

НЕВЫДУМАННЫЕ ИСТОРИИ

Э то был наш первый день практики в Морозовской детской больнице. Нас всех распределили по разным отделениям, и в три часа дня, освободившись, мы делились друг с другом впечатлениями.

— Мне очень все понравилось, и старшая сестра — лапочка, и такой классный врач-хирург, мы уже были на перевязках и я даже помогала, — доложила Катя.

— А мне уколы досталось делать.

— Нас завтра обещали на операцию взять.

Мы хвастались друг перед другом, делились достижениями. И только Неля с Леной шли хмурые.

— У нас самое дурацкое отделение, — мрачно сообщила Неля. — Инфекционное. Боксы закрытые и все дети там с мамами, а мамы ничего не разрешают делать, говорят про нас: «глупые практикантки». Нас старшая медсестра к детдомовцам отправила в бокс, там три детдомовца-мальчика, на ушах стоят. Я приношу им кашу сегодня, а один на двери катается, прикинь, прям наверху. Я кричу: «А ну слезай!». А он смеется, как debil, и язык показывает. Ужасные дети. Ну, он отстаёт в развитии, точно. Один вроде ничего, но тоже избалованный. Прихожу потом — каша на полу, я пошла за тряпкой, а медсестра ругается: «Вы чего за ними уследить не можете?».

Неля долго жаловалась на мальчишек. Мы ее подерживали и утешали. И только Катя, самая жалостливая из нашей группы, сказала, что ей жалко детей, ну сироты же. На следующий день она притащила им конфет, и мы, освободившись, потопали в инфекционное отделение.

Медсестра критично посмотрела на пакет с конфетами.

— Да ну что вы, девчонки. Сами ешьте, а то у них одно место слипнется. Только гоняем мам, которые им норовят конфет и шоколада сунуть. И как они сыпью до сих пор не покрылись? Все их жалуют, сиротки, а на самом деле — жалеть нечего. Они из тех сирот, по которым колония плачет. Я вам говорю. Сироты тоже разные. Избаловали детей, и они теперь что хотят, то и творят. Я с ними уже голос сорвала. Только крик понимают.

Мы все-таки вместе с медсестрой зашли в бокс к мальчишкам. Их звали Миша, Вася и Дима. Мише и Васе было по шесть лет, Диме — семь. Миша был цыганенок с черными большими глазами и оттопы-

ренными ушами, страшный непоседа. Вася — какой-то замурзанный, неухоженный, похож на растрепанного воробья. Дима — самый симпатичный, светловолосый и сероглазый.

Когда мы зашли, Дима с Мишей лежали под кроватью, оттуда торчали их ноги, а Вася стоял на подоконнике и слюнявил стекло, размазывая слюни ладонью.

— Кому я сказала, Коваленко? Сколько раз я говорила — на подоконник не залезать?! — так зычно выкрикнула медсестра, что у меня заложило уши. Ее мощному голосу позавидовал бы какой-нибудь маршал. — А ну-ка вылезли из-под кровати! Что вы тут пыль собираете?! Руки марш мыть!

Мальчишки послушно выполняли приказы.

— Я ж говорю — только крик понимают, — вздохнула медсестра и уже спокойно добавила, обращаясь к детям:

— Съедите сейчас обед, и девочки дадут вам конфеты.

Они ели суп, опустив головы, как самые примерные в мире дети, потом медсестра ушла, а мальчики принялись за второе. Они съели курицу, а потом стали смеяться с набитыми ртами, плевать гречкой, Дима начал пихать Васю, Миша вскочил с места. Мы пытались их урезонить, и,

наконец, Катя грозно сказала, что конфет им не видать, и что она позовет медсестру. Мальчишки притихли. Потом мы раздали им конфеты, и они тут же деловито стали их разворачивать.

— Что надо сказать? — спросила Катя.

Вася с Димой промывчали синхронно: «Пахыбо», — а Миша кивнул. Потом они стали кидаться фантиками от конфет. Мы снова взялись их воспитывать. Нас они не слушали. И тут Катю осенило:

— Да это что такое?! — голос ее загремел на весь бокс. — Два взрослых человека с ними говорят, конфеты принесли, а они так себя ведут! А ну быстро собрали фантики и выкинули!!!

На наших глазах стали твориться чудеса. Мальчишки собрали фантики и выкинули их в ведро.

Миша ухмылялся и корчил рожи, но тоже все выкинул.

— Ну, молодцы, — выдохнула Катя, довольная результатом своего педагогического приема. — Ведите себя хорошо. Еще принесем конфет, — и она погладила по голове подвернувшегося под руку Диму. Я тоже погладила Мишину и Васину головы.

Уходя из бокса, я услышала слова мальчишек.

— Меня два раза погладили.

— А меня — три.

Ужасные дети

То, что они это сосчитали, меня так поразило, что я застыла перед закрытой дверью бокса. В голове стали прокручиваться кадры. Трое мальчишек в боксе, одни. Сколько они там уже? Выяснилось — три недели. Болели ветрянкой, скоро их выпишут. Но — три недели, в четырех стенах! В детдоме хоть какое-то разнообразие, прогулки. Это — раз. В боксе стоят три кровати, тумбочки, стол и два стула. И ни-ка-ких игрушек, ни одной книжки! Голые стены. Это — два. И никто к ним не ходит. Никто. Это — три. Мамы, которые им конфеты суют — это не в счет, хотя и на этом спасибо.

— Ужасные дети, да... Никакого воспитания, — подтвердила Катя и посмотрела на меня.

— Ну да. Какое воспитание, если их никто не воспитывает?

Вечером я рассказала все родителям. Мама достала с балкона ящики с игрушками младших братьев, приготовленных для отправки на дачу. Мы отобрали игрушки (все пластмассовые и из металла — т.к. отделение инфекционное). В три часа дня я вошла в бокс к Ужасным Детям с большим пакетом. В пакете был конструктор «Лего», куча машинок, книжки, прописи, паззлы, мини-железная дорога.

— Ну, будем играть? Будем строить город? С гаражами, железной дорогой? Вот это будет мой грузовик.

Глаза у мальчишек стали как блюдца при виде такого богатства. Выяснилось, что и у них есть игрушки — три динозаврика из «Киндер-сюрприза». Мы строили дома для динозавров, играли и играли, и я даже не заметила, как за окнами стемнело. Часы показывали девять вечера!

Я уходила, и мальчишки не хотели меня отпускать. Вася жался ко мне, Дима спрашивал, когда я еще приду.

На следующий день, когда я пришла, они все втроем ждали меня у двери. Все наши постройки были аккуратно отодвинуты к стене.

— Тетя Маша! — завопил Миша и как обезьянка запрыгнул ко мне на шею.

— А мы вас ждали-ждали. Это вам, — важно сообщил Дима и протянул мне липкую, растаявшую «Аленку».

Мы снова играли, потом я читала им книгу, потом был ужин, и Ужасные Дети, как послушные овечки, съели не очень аппетитную капустную запеканку, вымыли тарелки в своей раковине и терпеливо дожидались, когда я поем в сестринской. Мы рисовали цветными мелками, я помогала мальчишкам, Миша залез ко мне на колени и ревниво отпихивал Васю с Димой.

— Теперь моя очередь на колени! — обиженно сообщил Дима, толкая Мишу.

Зашла медсестра, загремела:

— Время девять! Тебе домой не надо, что ли?

Не нанячилась еще? А ну, быстро спать! — крикнула уже на мальчишек. — Сейчас час будут успокаиваться. Вечером их не уложишь, а утром не поднимешь.

— Я сейчас уложу их, — пообещала я. — Так, давайте, сейчас, чтоб меня не ругали, быстренько все уберем, зубы почистим... и я вам еще почитать успею...

Ребята со скоростью света собрали игрушки. Душевая была прямо в боксе.

Пока я отмывала грязноватые Мишкины ножонки, Вася стирал в раковине свои носки и трусы. Он намыливал их мылом и спрашивал: «Так?».

— Тетя Маша! Так? Я последнюю ногу мою! — кричал из душа Миша.

Они прекрасно знали, как, они все прекрасно умели, но сам факт, что я уделяю им внимание, помогаю им, заставлял их произносить мое имя постоянно.

— Я чисто ноги вымыл?

— Очень. И лицо чистое. Ну что за чистый мальчик! Сейчас я тебе зеркало дам. (В боксе, конечно, не было никакого зеркала, ни в туалете, ни около раковины).

Дима пошел в душ последним нехотя, передав мне книгу, которую носил, прижав к груди.

— Только без меня не читайте!

Минут за двадцать все трое были вымыты, с почищенными зубами и чистыми рожицами. Они лежали в кроватях и улыбались. Зашел спор — на чьей кровати я буду сидеть.

Пришлось мне пересаживаться с кровати на кровать, чтоб никому не было обидно.

Я закончила чтение и погасила свет.

— Вас не будут ругать? — шепотом спросил Дима. — Мы хорошо себя вели.

— Нет, не будут.

Я обошла кровати, погладила головки и поцеловала.

И мальчишки крепко меня обнимали и чмокали... Вряд ли я от кого-то когда-либо получала столько любви сразу.

...Я продолжала навещать мальчишек и в детдоме, когда их выписали. Они всегда меня встречали с каким-то неумным восторгом, первое время ревниво ограждали от других детей: «Это наша Маша! Она из нашей больницы!» — и эти бесконечные разговоры, которые объединяли меня с ними: «А помните?».

Диму усыновили канадцы (ну почему не русские, он такой милый мальчик!), а Васю и Мишу перевели в другой детдом. Я вышла замуж и уехала в другой город. Но своих мальчишек я вспоминаю часто. И всегда они в моей памяти останутся детьми. Темное окно без занавесок в инфекционном боксе и три головенки: «Меня два раза погладили! А меня — три».

Мария

По страницам православного молодежного журнала «Наследник»

ДВА ЖАДНЫХ МЕДВЕЖОНКА

(ВЕНГЕРСКАЯ СКАЗКА)

По ту сторону стеклянных гор, за шелковым лугом, стоял нехоженный, невиданный густой лес. В нехоженном, невиданном густом лесу, в самой его чащобе, жила старая медведица. У старой медведицы было два сына. Когда медвежата подросли, решили они пойти по белу свету счастья искать.

Поначалу пошли они к матери и, как положено, распрощались с ней. Обняла старая медведица сыновей и наказала им никогда не расставаться друг с другом. Обещали медвежата исполнить приказ матери и тронулись в путь-дорогу. Сначала пошли они по опушке леса, а оттуда — в поле. Шли они, шли. И день шли, и другой шли. Наконец все припасы у них кончились. А по дороге достать было нечего.

Понурые брели рядышком медвежата.

— Э, братик, до чего же мне есть хочется! — пожаловался младший.

— А мне и того пуще! — сокрушенно покачал головой старший.

Так они все шли да шли, покуда вдруг не набрали на большую круглую головку сыра. Хотели поделить ее по справедливости, поровну, но не сумели.

Жадность одолела медвежат, каждый боялся, что другому достанется большая половина.

Спорили они, ругались, рычали, как вдруг подошла к ним лиса.

— О чем вы спорите, молодые люди? — спросила плутовка.

Медвежата рассказали о своей беде.

— Какая же это беда? — сказала лисица. — Это не беда! Давайте

я вам поделю сыр поровну: мне что младший, что старший — все одно.

— Вот это хорошо! — воскликнули с радостью медвежата. — Дели!

Лисичка взяла сыр и разломил его надвое. Но старая плутовка разломил головку так, чтобы один кусок был больше другого. Медвежата враз закричали:

— Этот больше!

Лисица успокоила их:

— Тише, молодые люди! И эта беда — не беда. Малость терпения — сейчас все улажу.

Она откусила добрый кусок от большей половины и проглотила его. Теперь большим стал меньший кусок.

— И так неровно! — забеспокоились медвежата. Лисица посмотрела на них с укоризной.

— Ну, полно, полно! — сказала она. — Я сама знаю свое дело!

И она откусила от большей половины здоровенный кусок. Теперь больший кусок стал меньшим.

— И так неровно! — вскричали медвежата в тревоге.

— Да будет вам! — сказала лиса, с трудом ворочая языком, так как рот ее был набит вкуснейшим сыром.

— Еще самая малость — и будет поровну.

Так и шла делужка. Медвежата только черны-

ми носами водили туда-сюда — от большего к меньшему, от меньшего к большему куску. Покуда лисица не насытилась, она все делила и делила.

К тому времени как куски сравнялись, медвежатам сыра почти не осталось: две крохотные крошки!

— Ну что ж, — сказала лиса, — хоть и помалу, да зато поровну! Приятного вам аппетита, медвежата! — захихикала и, помавав хвостом, убежала.

Так-то вот бывает с теми, кто жадничает.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПОВЕСТВОВАНИЕ

Валентин Зайцев

В Сан-Франциско ещё вчера,
а в Тобольске уже завтра*Продолжение. Начало № № 10-12, 2010 г., № 1-7, 2011 г.***ЧАСТЬ ПЕРВАЯ****И была деревня: «Барнаульский завод»**

13

Родился святитель Иоанн в семье старинного дворянского рода в декабре 1651 года на Черниговщине. Среди семейных братьев был старшим. С детства тянулся ко всему Божиюму. Потому неудивительно, что поступил он в Киевскую академию — единственную тогда на Руси школу высшего богословского знания. И как лучший ученик был оставлен в академии учителем. Через восемь лет учительства принял в Киево-Печерской лавре пострижение с именем Иоанн же. Простым монахом он был недолго. Монастырской братией был избран на должность эконома лавры.

Черниговский архиепископ Феодосий Углицкий вызвал Иоанна (Максимовича) к себе в Чернигов и посвятил его в архимандрита Елецкого монастыря, которым до того времени управлял сам. Было ясно, что в новом архимандрите он готовит себе преемника на святительскую кафедру в Чернигове.

Так оно и получилось. Вскоре святитель Феодосий почил о Господе. Преемником ему единогласно был избран народом и властями архимандрит Иоанн (Максимович).

Однажды архиепископ Иоанн тяжело заболел и по мнению врачей был при смерти. В совершенном изнеможении Преосвященный неожиданно вызвал келейника и отдал ему распоряжение — немедленно отслужить прямо в его покоях вечерню и прочесть для него правило перед причащением, а наутро приготовить всё потребное для совершения им в храме Литургии. Окружавшие больного подумали, что он бредит. Но наутро святитель был совершенно здоров и отслужил Божественную литургию. Удивлённым от такого неожиданного исцеления сослужащим святитель рассказал, что он, готовясь уже к смерти, обратился с молитвой к своему почившему предместнику и благодетелю — святителю Феодосию. Он явился перед ним и сказал: «Не скорби,

брат. Господь услышал молитву твою и дарует тебе здоровье. Встань с одра и приготовься к утру отслужить благодарственную Литургию — это тебе знамение!» Преосвященный не только отслужил благодарственную Литургию Господу, но и благодарственный молебен. А потом долгие годы славил и благодарил Господа за продление жизни.

Не забывал он благодарить и святителя Феодосия. Составил в честь его похвалу в стихах и поместил её вместе с изображением Угодника Божия в Черниговском соборе над входом в погребальную пещеру блаженного.

В житиях описаны и другие случаи чудесной помощи угодника Божия Феодосия святителю Иоанну. Так помощь святого избавила Преосвященного от наветов гетмана Мазепы, пыгавшегося ложными доносами оклеветать его перед императором Петром I. Государь разобрался, и невиновность архиепископа Иоанна была установлена.

Поразительные случаи помощи святителя Феодосия Преосвященному Иоанну и другие чудеса из потустороннего мира послужили началом чествования Феодосия как благодатного чудотворца и угодника Божиего.

14 лет управлял архипастырь Иоанн (Максимович) Черниговской епархией. Он открыл там особую школу, назвав её коллегиум. По образцу этой школы впоследствии стали открываться по всем епархиям России духовные семинарии. В марте 1712 года высшее духовенство России и государь Пётр I назначили архиепископа Иоанна (Максимовича) в Тобольск с возведением его в звание митрополита Тобольского и всея Сибири. Император увидел в архиепископе Иоанне великого подвижника и пророка. Этому способствовали неоднократные предсказания архиепископа императору. Вот некоторые из них.

Во время борьбы русских со шведами он говорил императору Петру: «Благословен ты, егда входиши, и благословен, егда исходиши: предаст бо Господь Бог враги твои, сопротивляющиеся тебе, сокрушены пред лицом твоим; путём единым придут к тебе и седмию путей побегут от лица твоего». Слова эти оказались пророческими в устах святителя Иоанна.

Они исполнились вскоре — 27 июня 1709 года в битве под Полтавой. За сто лет архиепископ Иоанн предсказал нашествие на Россию французов. И дату указал: «1812 год. Срок уже близок».

Святитель Иоанн прибыл в Тобольск 14 августа 1712 года и остановился в Знаменском монастыре, на берегу Иртыша. На другой день, в праздник Успения Пресвятой Богородицы, он с крестным ходом вступил в Нагорную часть Тобольска, отслужил молебен на площади и, благословив народ и войско, вошёл в кафедральный собор и совершил Божественную литургию. Так начал своё служение святитель Иоанн в новой для него обширной Сибирской епархии — от Урала до Тихого океана.

С прибытием на сибирскую кафедру нового митрополита, тобольская Церковь много стала уделять внимания нищим, убогим, особенно погорельцам. В то время пожары в Тобольске следовали один за другим. Батюшки собирали народ и устраивали погорельцам так называемую «помочь». Обществом рубили новые избы, а в них били из глины русские печи, сколачивали полати и, примерно, месяца через три погорельцы вселялись. Митрополит Иоанн регулярно приглашал на трапезы кроме городского духовенства и нищих. Любил сам прислуживать последним. Иногда в тёмную пору ночи в домике бедняка раздавался стук в дверь или окно. Хозяин открывал дверь и слышал: «Примите во имя Иисуса Христа». Недоумевающий бедняк не успеет ещё сообразить, в чём дело, а загадочный посетитель уже исчез во мраке ночи, оставив у дверей бедняка деньги или вещи, или продукты.

Долгое время жители Тобольска не знали, что за таинственный благодетель появляется неожиданно — то там, то здесь. Наконец, узнали: митрополит Иоанн (Максимович). Его часто видели среди узников в местных тюрьмах, куда вместе с милостыней приносил он заключённым и духовное утешение. Митрополит не любил бывать в гостях. За время пребывания своего в Тобольске он только один раз ездил на обед к сибирскому губернатору — князю Гагарину, да и то по особенно усиленной просьбе последнего. Неутомима была и его миссионерская деятельность. Он не только посылал к язычникам подчинённое ему духовенство, но и сам выезжал с проповедями к вогулам, остякам, татарам. Много тратил своих личных средств на Тобольскую славяно-латинскую школу, в которой обучались будущие священники.

Митрополит Иоанн распространял Свет Христов не только язычникам, живущим в Сибири. Он создал и послал Духовную миссию в Китай. Задачу миссии митрополит видел в сборе материалов об этой многолюдной стране, в налаживании дружеских отношений между Россией и Китаем и, конечно же, в проповедовании жителям Поднебесной истин

православной веры. Миссия выехала из Тобольска 16 января 1715 года. В Пекин прибыла 17 апреля 1715 года. Китайское правительство приняло миссию дружелюбно. Архимандрит Иларион — начальник миссии наладил в Китае богослужение не только на старославянском языке, но и на китайском, чем привлёк в православную церковь не только пленённых китайцами в России албазинцев, но и самих китайцев.

Устраивая дела

Святой Церкви на далёких сибирских окраинах и в Китае, митрополит Иоанн не прекращал попечений и о ближайших диких племенах. Результаты этого попечения говорят сами за себя. Миссионеры, посланные владыкой, ведя проповеди, окрестили более сорока тысяч язычников.

Всего три года усердно трудился на ниве Божией в Тобольске митрополит Иоанн (Максимович), но и за это короткое время он так ярко проявил себя, что стал самым почитаемым архиереем в Сибири. Погребён святитель был, как я уже говорил, у северной стены Софийско-Успенского собора, в алтаре придельного храма в честь преподобных Антония и Феодосия Киево-Печерских чудотворцев. В 1741 году этот придел пришёл в ветхость и был разобран. Могила оказалась под открытым небом. На собранные горожанами средства над могилой святителя был построен новый храм. Осветили его в 1753 году во имя Иоанна Златоуста — небесного покровителя митрополита Иоанна. Могила его пришлась на правую сторону алтаря. Потом алтарь перенесли в другое место. И могила оказалась в середине храма. Для приходящих и приезжающих к его могиле стало удобно молиться, чего, кстати, и вы сподобились. Вот и всё, что хотел я вам кратко рассказать. А вы не упускайте случая — благодарить Господа. Бог любит, когда Его благодарят, а благодаря Его святых, вы опосредственно благодарите и Самого Бога. А потому не скупитесь на благодарения святителю Иоанну Тобольскому.

— Что мы и делаем, — сказал Иаков Алексеич.

14

Вотром оба священника побывали в строящейся деревенной церкви. Дали Иакову Алексеичу кое-какие советы и отъехали. Отец Василий был очень доволен, что брат завёз его в эту деревню, устроил ему приятный сюрприз. Он узнал, наконец, о дальнейшей судьбе выздоровевшей Дуни.

Вернувшись в Тобольск, отец Василий успел захватить случившееся в кремле необычайное событие, без описания которого история с Дуней и величие святителя Иоанна (Максимовича) Тобольского были бы неполными. Передаём это событие так, как оно изложено в житии этого святого.

«... В летнюю пору 1808 года, часов в двенадцать или в час ночи, часовой на гауптвахте, которая в то время находилась подле ворот старых присутственных мест, близ собора и придела Иоанна Златоустого, увидел в соборе свет и подумал: не горит ли там? По его указанию другие солдаты подошли к собору и увидели тоже свет, да сверх того слышали ещё и пение. Дивясь этому безвременному пению и освещению в соборе, солдаты сообщили об этом ближайшему своему начальству, а потом — офицеру.

Офицер, взяв часть команды, пошёл посмотреть караульного, что ходил подле соборной ризницы и малого входа в собор. Спросил его, не пропускал ли он кого в собор, и услышал, что нет, и что с его стороны замок на входе в собор совершенно цел. Офицер поднялся с солдатами на соборные окна и все увидели не только горящие свечи на подсвечниках, но и почившего архиерея Иоанна (Максимовича) в полном облачении и с сослужащими священнодействующим.

Расставив по солдату или по два ко всем дверям собора, офицер тотчас дал знать о необыкновенном явлении в архиерейский дом.

А в это время эконоом, казначей и другие из духовенства, тоже думая, что в соборе пожар, поспешили к соборному сторожу взять у него ключи; но того на беду не было в другом, так называемом, тёплом соборе, где ему, по обычаю того времени надлежало ночевать. Приказано было сбить замок. Народ, которого между тем, сбежалось немало, ворвался вслед за должностными лицами в собор, и увидел, что северные двери, именно те, которые ведут в алтарь собора и в придел Иоанна, — растворены, хотя с вечера их в присутствии ключаря протоиерея Василия Кузнецова закрыли. Из алтаря и от могилы святителя исходило благоухание. Но почившего архиерея (Максимовича) со служащими люди не увидели.

Свет в Софийско-Успенском соборе и приделе в необычную пору, то есть ночью, по рассказам жителей Тобольска, видели неоднократно, но уже никто не смел заглядывать в окна.

После этого случая по распоряжению Святейшего Синода в Тобольске была создана комиссия под председательством епархиального Преосвященного. В состав комиссии вошли: тобольский вице-губернатор, настоятель и ключарь кафедрального собора, благочинный тобольских церквей. Начали вести запись и обследования чудотворений у могилы святителя. Первой записали исцеление умалишённой, историю которой мы вам рассказали. Все, кто знал об этом исцелении, восприняли его как свидетельство особой благодати Божией, почивающей на святителе Иоанне. Второй записью было необыкновенное совершение службы архиереем Иоанном (Максимовичем) в неурочное — ночное время. Оба эти события вошли в жития святителя Иоанна. А всего было обследовано и записано до сорока случаев чудес, происшедших у могилы архиерея. Никто уже не сомневался в его святости. Но прославление совершилось не скоро — перед самой революцией. Однако всё это столетие люди почитали святителя Иоанна Тобольского святым.

На докладе Святейшего Синода о причислении

святителя Иоанна (Максимовича) к лику святых и признании его останков святыми мощами Государь Император Николай II 21 января 1916 года начертал:

«Приемлю предложение Святейшего Синода с умилением и тем большим чувством радости, что верю в представительство святителя Иоанна (Максимовича), в эту годину испытаний, за Русь православную».

Святитель Иоанн Тобольский был прославлен Русской Православной Церковью в лике святых угодников Божиих 10 июня 1916 года. Это было последнее прославление до-революционной эпохи. Церковь постановила совершать память святого в эту же дату.

* * *

О! Дунькина роца! Кто из барнаульцев не знал её до середины двадцатого века. О! Сколько легенд сложено про неё, и как много теперь говорит она мне! Я брёл среди величественных построек политехнического университета, комплексов зданий городской и железнодорожной больниц и не видел этих огромных корпусов. Не видел улиц, асфальта, тротуаров. Моё воображение рисовало песчаные холмы, запылённые кустарники и зелёный покров над головою. Неведомые тропы вели меня среди деревьев.

Вообразилось одно, не могло не вообразиться и другое.

Среди дерев летучей тенью мелькнула дева. Появившись в своей весне, её образ некоторое время не покидал меня. Брёл ли я едва-едва или торопился — всюду поспевал за ней. Моё воображение доносило до меня русалочий голос, ищущий суженого, шелест лёгких шагов. Чистая душа девы, явившаяся мне, невольно предавала ум мой неизъяснимому волнению. Идя за ней, я приблизился к кладбищу — последнему прибежищу людей той старины глубокой. Пред девой явился привычный конь ретивый. Взлетела на него легко, понужнув ичигами крутые бока — помчалась среди могил и исчезла. А вместе с ней исчезли в забвении надгробные плиты, памятники, кресты. Место скорби и слёз уже давно превращено тут в место веселья и развлечения. И только бывшая кладбищенская Кресто-Воздвиженская церковь — с названием «Планетарий» осталась как след эпох.

... Но вернёмся к святителю Иоанну (Максимовичу) Тобольскому.

Можно подумать: не о нём ли задумано повествование, не слишком ли много внимания мы уделяли людям, на судьбы которых повлиял этот святой? На самом деле всё повествование прикровенно только об Иоанне (Максимовиче) Тобольском. И велось оно через судьбы этих людей, любящих святителя и через него славящих Бога.

Говоря о святителе Иоанне (Максимовиче) Тобольском, нельзя обойти молчанием другого святого — его младшего родственника, удивительного Божиего человека, необыкновенной силы духа человека — большего, чем человека, тоже Иоанна (Максимовича), но только Шанхайского. Рассказать о нём подробно невозможно, это равносильно тому, что попытаться объять необъятное. Да и не всем и не во всём святые раскрываются людям. Поэтому мы обозначим рамки для одного лишь периода его жизни — китайского. А потому «Вторая часть» повествования о нём и о людях Китая, судьбы которых полны трагизма, и на помощи которым Иоанн (Максимович) Шанхайский раскрылся как святой.

Молись дитя

Молись, дитя: сомненья камень
Твоей груди не тяготит;
Твоей молитвы чистый пламень
Святой любовью горит.

Молись, дитя: тебе внимает
Творецъ бесчисленныхъ мировъ,
И капли слѣз твоихъ считаетъ,
И отвѣчать тебе готовъ.

Быть можетъ, ангелъ, твой хранитель,
Все эти слезы соберётъ
И ихъ в надзвѣздную обитель
К престолу Бога отнесётъ.

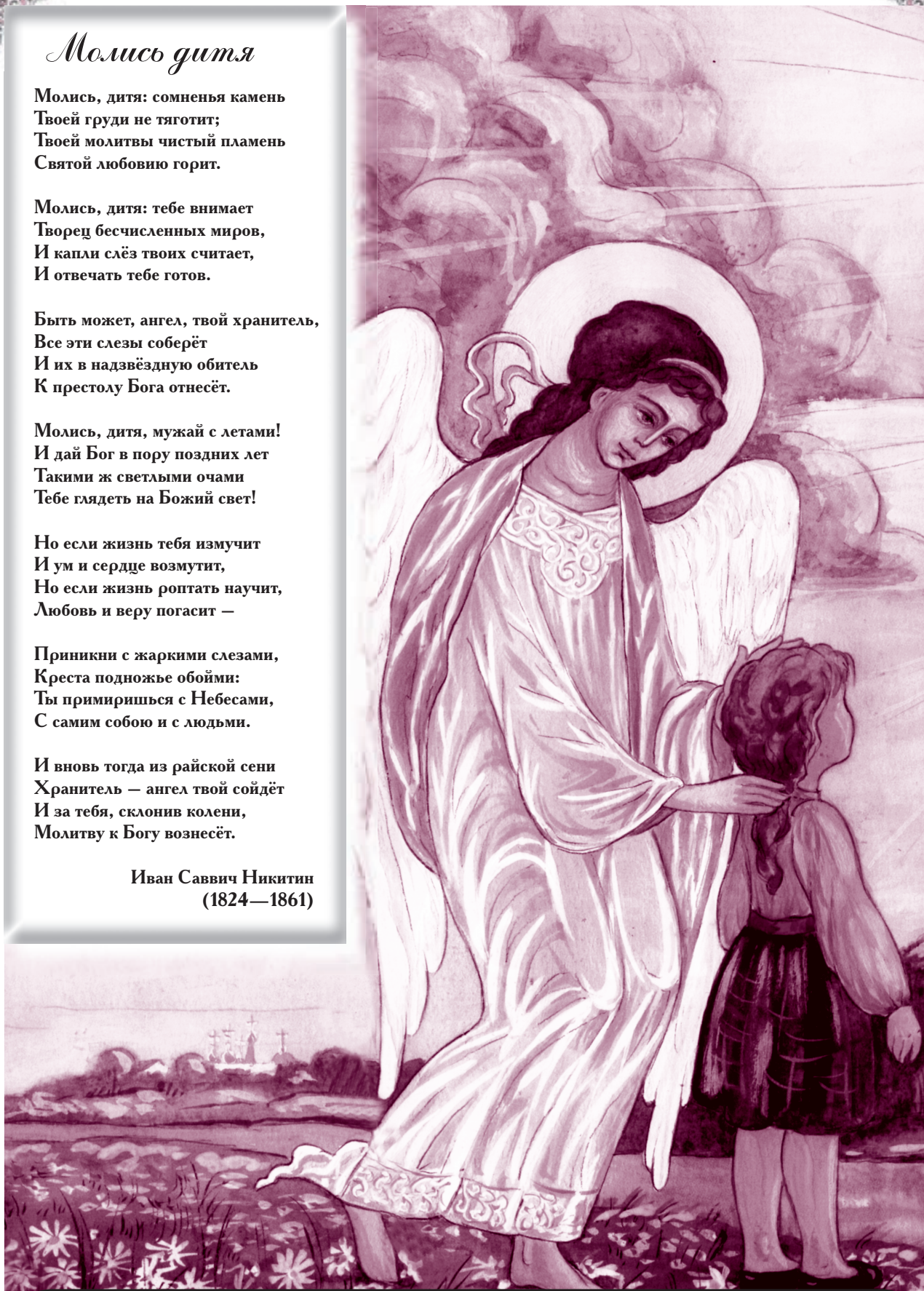
Молись, дитя, мужай с лѣтами!
И дай Богъ в пору позднихъ лѣтъ
Такими жъ светлыми очами
Тебѣ глядеть на Божий свѣтъ!

Но если жизнь тебя измучитъ
И умъ и сердце возмутитъ,
Но если жизнь роптать научитъ,
Любовь и веру погаситъ —

Приинки с жаркими слезами,
Креста подножье обойми:
Ты примиришься с Небесами,
С самимъ собою и с людьми.

И вновь тогда из райской сени
Хранитель — ангелъ твой сойдётъ
И за тебя, склонив колени,
Молитву къ Богу вознесётъ.

Иванъ Саввичъ Никитин
(1824—1861)

Духовно-просветительская газета

Зарегистрирована Западно-Сибирским управлением Госкомпечати. Регистрационное свидетельство № Г-1453.

Учредитель: Александро-Невский собор города Барнаула, настоятель протоиерей Александр Войтович.

Редактор: протоиерей Сергей Фисун. Верстка: Наталья Мутовкина

Адрес редакции и издателя: 656054, г. Барнаул, ул. А.Петрова, 221. Тел. 40-28-81.

E-mail: vestnik@ab.ru Подписной индекс 73652. Тираж 1500 экз. Сдано в печать 31.10.11. Выход по графику 28.09.11

Отпечатано в типографии «ПринтЭкспресс», г. Барнаул, ул. Кирова, 47. Цена свободная.